

Он пришел.

Комната по-прежнему была залита светом, в воздухе висел густой аромат благовоний, тускло светил ночник... В каждом уголке царило привычное спокойствие, но Бай Циюй чувствовал: что-то изменилось.

Ощущение давления, словно от множества вонзающихся игл, было готово свести с ума.

Спрятав руки под одеялом, он сжал их в кулаки, пытаясь болью подавить дрожь. Бай Циюю потребовалось немало усилий, чтобы заставить свой голос звучать спокойно и твердо.

— Так продолжаться не может, правда. Меня еще ладно, но зачем трогать тех, кто меня окружает... — Он слегка покачал головой. — Почему ты не можешь оставить нас в покое?

Послышался шорох ветра, огонек ароматической палочки упрямо мерцал, то затухая, то разгораясь вновь.

— Я и сам не понимаю, — медленно произнес Он, — почему ты так упираешься.

Вместе с этими словами Он наконец явил себя.

Его облик напоминал человеческий, но лишь отчасти. Он был размытым, невыразимым, воплощением реальности, которую человеческое воображение и чувства не в силах были объять.

Он просачивался из теней предметов, из потолка и пола...

Он навис над Бай Циюем, словно гигантский стеклянный купол или бесформенная черная тень, порожденная кошмаром, окутывая его своим присутствием в самом центре этого водоворота.

Бай Циюй опустил голову, стараясь не смотреть Ему в глаза.

Но даже так, инстинктивный ужас — страх существа с самого дна пищевой цепи перед верховным хищником — скрыть было невозможно. Его худое, хрупкое тело задрожало, словно опавший лист на ледяном ветру.

— Хватит притворяться? — Он с трудом сдержал стук зубов. — Сдаешься?

Похоже, Он не ожидал таких слов, поэтому на мгновение замешкался.

— Я все это время искал облик, который тебе по душе, — в Его голосе не было эмоций, — но так и не нашел.

Чей еще облик? Бай Циюй усмехнулся про себя: если бы он произнес хоть одно имя, это было бы равносильно самоубийству.

— Мне никто не нравится, — невозмутимо ответил он. — Но я люблю людей... Человеческого облика вполне достаточно.

Может, его покорность возымела действие, или же удовольствие от недавнего соития заставило Его счесть, что Бай Циюй уже сломлен и подчинился, но Он прислушался к словам.

Неописуемая тьма исказилась, сжалась и в конце концов приняла очертания человеческой тени.

Высокая фигура замерла у изголовья кровати.

Он склонил голову, безмолвно наблюдая за ним, словно обычный посетитель, пришедший навестить больного.

— Как пожелаешь.

Если бы не знание о Его жестокой и деспотичной натуре, сейчас Он показался бы даже кротким, почти любящим.

Это невольно заставило Бай Циюя вспомнить Чжан Ихэ.

Вспомнить ту ночь, когда они болтали на кухне в три часа утра.

Над барной стойкой покачивались стеклянные бокалы в форме ландышей, их отражения казались призрачными и загадочными.

Он спросил, не хочет ли тот воды, добавив, что без воды человек может обезвожиться. А потом посмеялся над тем, что услышанное от него прозвучало как прописная истина.

Увидев, что Бай Циюй без тапочек, Чжан Ихэ нежно погладил его по ступням, надел на него толстые махровые носки и прошептал, что на улице похолодало.

...

Все это было ложью.

Бай Циюй крепко зажмурился, сдерживая слезы.

Симпатия, построенная на лжи, с самого начала была карточным домиком, которому нельзя было верить ни на секунду.

Ему хотелось спросить, почему именно он, хотелось узнать, сколько правды было в Его притворстве под личиной Чжан Ихэ, но он сдержался.

В конце концов, он встретился взглядом с безмолвной тенью и произнес:

— Давай заключим пари.

— Пари?

Казалось, Он услышал нечто невероятно забавное, Его голос задрожал.

Со всех сторон, нарушая законы логики и языка, зазвучали тысячи шепотов, перекрывая друг друга. Дремлющая тьма начала насмешливо раздуваться, принося с собой чувство невыносимого ужаса и краха.

Эти аномалии, невозможные в природе и непостижимые для человеческого разума, ежесекундно пожирали волю Бай Циюя.

Если у рассудка есть предел, за которым наступает полное разрушение, то он сейчас не просто балансировал на краю.

Он был готов переступить эту черту...

Держись...

Нельзя сойти с ума, нельзя, нельзя, нельзя...

Нельзя.

Еще нельзя сходить с ума.

— Давай... сделаем... последний ход.

Дрожащими руками, посреди ужаса и галлюцинаций, он начал медленно, но решительно складывать жесты.

С тех пор как в семь лет он научился говорить, язык жестов стал ненужным навыком выживания, пылящимся в глубинах памяти.

Бабушка говорила ему, что путь жизни не преодолеть одним махом, он состоит из этапов.

— Ты научился говорить, Сяо Ци, — нежно произнесла она тогда. — Твой следующий этап жизни начинается сейчас.

— Забудь язык жестов, никогда больше им не пользуйся. Так на тебя больше не будут смотреть косо.

Следующие семнадцать лет Бай Циюй изо всех сил старался избавиться от тени своей особенности.

Использовать голос, как все остальные люди... Наконец-то он стал полноценным человеком.

Жизнь текла своим чередом, и он думал, что этот секрет навсегда останется за семью печатями.

А сейчас он сам разрывал цепи, сковывавшие его боль, и возвращался к безмолвному языку.

Потому что он потерял голос.

Он слишком боялся.

Боялся, что стоит ему открыть рот, как дрожащие зубы вопьются в язык, а сдерживаемый крик прорвется наружу, разрушив все, превратив его в самку чудовища.

И вот, спустя семнадцать лет, его тонкие изящные пальцы, сначала неуверенно, а затем все более плавно, начали выводить слова.

— Ты смотришь на меня свысока, я знаю. Ты презираешь людей.

— Так вот, если в этот раз я выберусь с помощью муравьев, которых ты презираешь, ты больше не будешь меня преследовать. И наоборот, если я проиграю, можешь делать со мной что захочешь.

— Раз уж ты изначально приближался ко мне в человеческом обличье, ты, должно быть, ждал покорную игрушку, которая, как и твои тысячи верующих, будет поклоняться тебе. Иначе тебе не стоило бы прилагать столько усилий.

Он долго молчал, а Бай Циюй продолжал медленно показывать жесты.

— Для тебя это пари с шансом на победу в девяносто девять процентов. Это почти капитуляция с моей стороны, у тебя нет причин отказываться.

— ...Ты уже получил меня, я все равно никуда не денусь, правда? Но... ты ведь разумное существо, знающее все сущее, ты должен знать, что люди всегда нежны, послушны и уважительны к своим супругам.

Он с непонятными интонациями повторил эти слова:

— Нежны, послушны, уважительны...

Видя, что есть шанс, Бай Циюй продолжил:

— Я не прошу, чтобы ты, всемогущий и возвышенный, относился ко мне так, я лишь прошу тебя снизить до этого, можно?

Возможно, покорность Бай Циюя польстила Ему, и гнетущее давление в воздухе рассеялось.

Бай Циюй искоса взглянул на окно: тень все еще была там.

Он наконец смог заговорить вслух.

— Прошу вас, можно? — мягко произнес он.

— Если бы ты был таким с самого начала, — голос Его оставался бесстрастным, — я бы всегда был нежным... таким, каким ты хотел меня видеть.

— Вы и сейчас нежны, — тихо сказал Бай Циюй. — Вчера ночью вы не причинили мне боли. Вы же знаете, я... я не сопротивлялся.

Произнося эти слова о своем безграничном позоре, о том, что пригвоздило его к кровавой бездне, он едва не задохнулся от боли, раздирающей сердце.

Это было словно стоять раздетому догола на оживленной центральной улице, позволяя незнакомцам и знакомым плевать в него и насмехаться.

Эти голоса гудели в голове, каждый твердил о его грязи и нечистоте.

Но он знал: эти слова — его главный козырь.

Самцу, добившемуся права на соитие силой, больше всего хочется видеть покорность и смирение завоеванной самки.

Его отчаянный блеф сработал.

— Хорошо, — сказал Он. — Но если проиграешь, не смей больше отвергать мои требования.

— И люди вокруг меня... умоляю, оставь их в покое. Мне никто из них не нравится.

Условие было для Него пустяковым, и Он согласился, не раздумывая.

Тьма отхлынула, словно морской прилив.

Комната вновь наполнилась светом, тонкая струйка дыма от благовоний снова заструилась в воздухе, а часы на стене продолжили свой ход.

На самом деле Цинь Гуаньхэ отсутствовал всего несколько минут.

Он сделал звонок, переговорил с полицейским, и, вернувшись, толкнул дверь. То, что он увидел, заставило его замереть:

Бай Циюй выглядел так, словно перенес тяжелую болезнь. Его лицо было бледным как полотно, холодный пот смешивался со слезами, он свернулся калачиком на кровати, напоминая разбитую фарфоровую чашку.

Столь жалкий и трогательный вид должен был вызвать лишь сострадание, но, стоило взгляду Цинь Гуаньхэ коснуться покрасневших уголков глаз Бай Циюя, его дрожащих ресниц и темных глаз, полных муки, в голове у того вспыхнуло странное, невыразимое, грязное желание.

Как же он красив...

Словно человек, застывший на границе воды и суши, с кожей, белой до рези в глазах, и чарующе прекрасным лицом... Все в нем было искушением совершить грех.

...

Практикующий не должен допускать подобных грязных мыслей. Цинь Гуаньхэ в одно мгновение осознал, что его сознание затуманено, и лишь прочтя про себя дюжину раз мантру очищения, смог прийти в себя.

Помня о своей недавней оплошности, он отвел взгляд от Бай Циюя.

— Ты получил ответ? — слабо спросил Бай Циюй.

— В общежитие старого управления землеустройства действительно не направляли полицию,
— Цинь Гуаньхэ сел, глядя в сторону. — К тому же дело передают в другое ведомство.

— Что это значит?

— Экспертиза показала, что ДНК двух тел не принадлежит арендаторам с третьего этажа, это двое туристов из другого города, пропавших год назад.

Цинь Гуаньхэ глубоко вздохнул:

— Подробности засекречены... но, в общем, жильцов с третьего этажа посчитали пропавшими без вести, завтра в СМИ уже появятся объявления о розыске.

Сказав это, он, словно не находя себе места, направился к кулеру, налил горячей воды, добавил меда и, все так же отвернувшись, протянул стакан Бай Циюю.

— Вот оно что...

Хорошо, что это не привело к смертям по его вине.

Бай Циюй был погружен в свои мысли и не заметил странного поведения Цинь Гуаньхэ.

Он медленно отпил немного воды с медом:

— Сходи к бабушке Ло. Думаю, все эти... внезапные события должны были уже закончиться.

Цинь Гуаньхэ замер:

— С чего ты взял?

— Иди, — Бай Циюй не стал объяснять и прикрыл глаза, словно хрупкое произведение искусства. — Эти два дня мне придется побеспокоить вас.

Спустя пять минут Цинь Гуаньхэ получил ответ в зале ритуалов бабушки Ло.

Паломники, которые как саранча внезапно нахлынули со всей страны, утверждая, что у них случился рецидив, один за другим говорили, что чувствуют себя гораздо лучше, и симптомы были видны невооруженным глазом.

Даже если кто-то из паломников или их семей беспокоился и хотел остаться еще на пару дней для наблюдения, состояние уже было настолько легким, что с ними могли справиться и ученики.

Более того, независимо от того, насколько тяжелыми или легкими были симптомы вначале, никто не находился при смерти. Это было крайне странно, ведь некоторые из них уже были в реанимации, и врачи вынесли им смертный приговор.

Теперь каждый видел, что это была провокация.

Он устами пациентов демонстрировал свою силу, высокомерие и даже «милосердие».

В мерцании свечей бабушка Ло сидела за алтарем, ее лицо было непроницаемым.

Цинь Гуаньхэ, Ли Симин и еще десяток Дима стояли рядом, их лица были мрачнее тучи.

Долгое время спустя Цинь Гуаньхэ с шумом выдохнул:

— Возможно... мы действительно связались с тем, с чем не следовало. Бабушка, мы...

Бабушка Ло сделала жест, призывающий к молчанию.

Она медленно открыла глаза, ее старческие зрачки были чисты, как у ребенка, в них отражались танцующие огоньки пламени.

— Год назад, нет, полтора года назад, когда я практиковала у настоятеля Усяна, он советовал мне остановиться. На вторую ночь монастырь Баоцюань рухнул, три статуи Будды раскололись на тысячи кусков, и тогда я поняла, что в город Цзиндэ пришло нечто огромное.

— Год назад... — воскликнул Цинь Гуаньхэ. — Вы говорите о том случае на эстакаде в центре города Даокоу?

В старческих глазах бабушки Ло промелькнула мимолетная скорбь:

— Да. Именно поэтому с тех пор я искала дела, связанные с дорогами. Знаешь, чего я больше всего боюсь в своем возрасте?

— Ученик не знает.

— Я никогда не боялась быть бессильной. Человеческие силы в конечном итоге ограничены, девять из десяти вещей в жизни нам не подвластны. Я боюсь того, что могла бы сделать, но не сделала.

— Что касается способностей вашего поколения учеников, мне нечего сказать. Но... хочу ли я умирать? Нет. Но нежелание умирать и страх смерти — это разные вещи.

— Больше ни слова, идите. Найдите того парня по фамилии Бай.

Бабушка Ло протянула руку, и Цинь Гуаньхэ, глубоко тронутый, помог старушке пересест в инвалидное кресло. Если бы кто-то увидел это, он был бы поражен до глубины души: нижняя часть тела бабушки Ло была парализована!

Но звук колес плавно скользил по коридору, мимо зала с фресками, к комнате, где остановился Бай Циюй, и там бабушка Ло вновь с трудом выбралась из кресла.

— Мастер Цзинцзун... — ее бормотание было едва слышным. — Мастер Цзинцзун... Пять пороков и три недостатка, предписанные судьбой... какой из них я совершила?

Порыв темного ветра пронесся сквозь тонкий дым благовоний, словно отвечая на этот зов.

Она толкнула дверь, и словно клетка была разбита: едва уловимый запах морской соли в воздухе рассеялся, и ворвался свежий воздух.

Бай Циюй, почувствовав неладное, поднял голову и встретился со сложным выражением лица бабушки Ло.

В тех добрых глазах таилась едва уловимая печаль, которую Бай Циюй не мог понять.

Он тихо поздоровался с бабушкой и сразу перешел к делу.

— Фотографии из Циндао... я получил их.

Трое из них переместились в главный зал, и среди десятков статуй божеств, восседающих в вышине, Бай Циюй открыл ноутбук.

В тот самый момент, когда он открыл первое изображение, все, чья духовная чувствительность достигала определенного порога, непроизвольно ощутили нечто.

Это было нечто колоссальное, древнее зло, оставившее след, который невозможно стереть даже спустя века.

И в этот миг «ощущение скверны», ставшее невыносимо острым, дало всем ясно понять: пути назад нет.

Потому что любое существо, хоть немного соприкоснувшееся с этой скверной, уже было помечено.

В ноутбуке хранилась семьдесят одна фотография.

Тридцать девять из подземных каналов, шесть портретов и двадцать шесть из бомбоубежища.

Съемка велась под землей, при полном отсутствии естественного света, источниками служили лишь жалкие налобные фонари, вспышки и карманные фонарики. Из-за этого каждая фотография была либо пересвечена, либо на восемьдесят процентов состояла из непроглядной тьмы.

Те призрачные старинные здания, изредка проступающие в пересвеченных кадрах, переносили зрителя на сто лет назад, в дым сражений времен немецкой оккупации.

—

Бай Циюй не преувеличивал: за четыре дня и четыре ночи исследований подземных каналов они действительно прошли очень далеко.

Судя по изредка появлявшимся ориентирам, они прошли пешком не менее ста километров.

Это была пугающая цифра. Стоит учесть, что средняя скорость пешехода составляет около пяти километров в час, а восемьдесят километров означают сорок часов непрерывной ходьбы.

А в условиях полной темноты и неизвестного ландшафта времени уходило еще больше.

Бай Циюй и сам был удивлен:

— Я не знал... что мы зашли так далеко? Мы просто шли прямо, а когда упирались в тупик, сворачивали налево.

— Правда, хотя этот парень по имени Ян Юйсэнь, который был заместителем капитана, и предложил это место, карты у него не было.

Он вспоминал:

— Путь был полон препятствий. Наш старый товарищ, старина Лю, опытный альпинист, покоривший половину Эвереста, не прошел и получаса, как случайно сломал лодыжку.

— Мы все перепугались и отправили новичка из нашей команды, девушку, проводить его. Только когда они вышли, мы связались с ними и узнали, что это был просто вывих, но тогда мы все были в ужасе.

— Я хорошо помню, как половина голени старины Лю была в крови и грязи, это было жуткое зрелище... Он был очень суеверен и твердил: «Если путешествие началось с беды, это точно не к добру», и как бы мы его ни уговаривали, он хотел уйти.

— Ту девушку-новичка звали Чжичжи или как-то так, она была очень трусливой и, увидев его истерику, тоже сбежала.

Бай Циюй криво усмехнулся:

— В тот момент мне действительно стоило его послушать.

Бабушка Ло прервала его воспоминания:

— Эти двое, с ними сейчас можно связаться?

Бай Циюй замер:

— После того как я начал работать, я редко заходил в чат. Подождите, я посмотрю.

Он взял ноутбук, зашел в QQ и открыл группу.

Возможно, большинство туристов уже покинули «башню из слоновой кости» и окунулись в реальную жизнь, поэтому в группе было тихо.

Последнее сообщение было получено полгода назад.

Оно было от старины Лю: «Спасибо всем, что пришли на мою свадьбу с Чжичжи! Будет время — соберемся выпить!»

Пролистав выше, он увидел поздравления и добрые пожелания. Оказалось, старина Лю и девушка, которая сопровождала его тогда, поженились.

— Они должны быть живы. — Бай Циюй зашел на страницу старины Лю. Так как они не были в друзьях, он видел только статус: «Мама и дочка в порядке, 15 сентября родилась здоровая девочка», «Как раз в этом месяце родился ребенок».

Бабушка Ло хмыкнула, жестом предлагая ему продолжать показ фотографий.

Но на снимках подземных каналов не было ничего особо подозрительного.

В конце концов, даже в самых древних исторических местах подземные каналы — это просто трубы. То, что действительно заставило экспедицию пойти туда, было «историей» Ян Юйсэня.

Бабушка Ло небрежно бросила горсть сырого риса на алтарь и нахмурилась:

— Рассказывай подробно обо всем путешествии.

— В первой половине пути все были воодушевлены, мы шли и болтали, а парни из нашей команды рассказывали страшилки, чтобы напугать девушек. Я тогда тоже участвовал.

— Правила были такими: каждый по очереди рассказывает историю о призраках, не длиннее ста слов. Тот, чья история окажется не страшной, должен нести самую тяжелую палатку.

— Первым рассказывал Ай Чуньшэн, наш снабженец, все деньги были у него. Он тоже был местным из Циндао, но его предки были с Северо-Запада, говорят, один из них был помощником адъютанта Чингисхана. Он увлекался легендами северо-западных шаманов, поэтому и историю рассказал соответствующую.

— Помню... это была история о душе, духе и вселении в тело. Совсем не страшно. Так что тяжелая палатка досталась ему.

— В каком порядке вы рассказывали? — внезапно спросил Цинь Гуаньхэ. — По порядку движения или как?

— По алфавиту имен. Раз моя фамилия Бай, я рассказывал вторым.

— Учитывая горький опыт Ай Чуньшэна, я рассказал историю из манги Дзюндзи Ито, «Томиэ» в мужском исполнении... о том, как одного парня никак не могли убить, и он распадался на сотни и тысячи частей. Девушки испугались.

— В общем, вечер страшилок длился недолго, рассказали человек пять, и старина Лю сломал лодыжку.

— Ян Юйсэнь на самом деле был очень суеверен. Он с самого начала был против наших шуток. Говорил, что истории слушают не только люди, но и нечистая сила, и в местах, где не хватает жизненной энергии, этого делать нельзя, они поверят.

— Он был коренным жителем Циндао, его семья была глубоко верующей, все время говорил о грехах, об искуплении, это всех раздражало. А после случая со стариной Лю никому уже не хотелось рассказывать истории.

— К полудню у телефонов внезапно пропала связь. Не знаю, то ли мы зашли слишком глубоко, то ли вошли в зону подавления сигнала.

— Это было довольно страшно, ведь на дворе 2021 год. Что значит отсутствие связи? Это значит, что место крайне отдаленное, опасное, где невозможно установить станцию.

— Некоторые испугались и хотели повернуть назад, но большинство выступило против.

— Капитана звали Гуань Бао, здоровый парень, настоящий вояка, очень решительный. Он сказал: «Раз уж пришли, разве не ради приключений? Слабаки, валите домой». Он был прав. Я тоже относился к тем, кто не хотел возвращаться.

— Одно лишь «отсутствие связи» было достаточно захватывающим — неужели нам недостаточно спокойной жизни? В эпоху развитых технологий шанс попасть в зону без сигнала выпадает нечасто.

Говоря об этом, Бай Циюй криво усмехнулся:

— Сейчас, вспоминая это, я понимаю, что тогда просто не ценил своего счастья.

— К сожалению, мы шли до десяти вечера, а впереди по-прежнему была бездонная, неизменная тьма.

— Немецкая инженерия, потолки высотой почти в три метра, можно идти в полный рост. Но как ни крути, это не широкая дорога, было очень душно.

— Трубы под потолком то и дело издавали длинные, пустые, странные звуки, слышалось журчание воды... Нос и горло были забиты затхлым, плесневелым запахом — запахом стоячей воды, которая годами не видела солнца и не двигалась. От этого запаха долгое время начинала болеть голова.

— Даже если ни у кого из нас не было клаустрофобии, долгое пребывание в крошечной тьме без единого луча солнца не могло не сказаться на психике.

— На второй день стало еще хуже: пакеты с едой оказались порваны.

— На месте повреждений были рваные следы зубов, мы предположили, что это крысы или существа похожего размера.

— Мне это очень запомнилось: проснувшись, я увидел, что вокруг спальных мешков валяются остатки еды — рис быстрого приготовления, хлеб, все было перевернуто, словно здесь побывали грабители.

— Помимо испуга, это вызвало жуткое чувство, ведь когда мы спали, никто не слышал, что за тварь это сделала и когда.

— Однако тогда мы не стали тратить много сил на «поиск виновных», важнее было решить проблему нехватки еды.

Цинь Гуаньхэ не понял:

— Как это нехватки еды? Вы же были опытной командой исследователей?

Бай Циюй объяснил:

— Перед выходом мы не предполагали, что пробудем под землей четыре дня и четыре ночи. Изначально поездка планировалась на два дня. Мы не рассчитывали на большой расход еды.

— Галеты были такими невкусными, что мы не стали экономить силы и место в рюкзаках, взяли хлеб, рис быстрого приготовления, шоколадное печенье. Галеты как раз не взяли.

— Большую часть еды пришлось выбросить, она была грязной. Девушки начали жаловаться. Ведь большинство наших предыдущих городских исследований были легкими прогулками: за день сходили, вернулись, жили в чистых палатках, ели чистую еду, не лезли в воду и грязь.

— К счастью, капитан Гуань Бао проявил предусмотрительность и взял много галет, их хватало на три-четыре дня, это укрепило боевой дух команды, и мы двинулись дальше.

— На второй день в полдень мы столкнулись с чем-то труднообъяснимым...

Словно вспоминая нечто невыразимое, Бай Циюй долго молчал, а затем начал медленно показывать жесты:

— На очень низкой двери, перегородженной железной решеткой, был знак ядерной радиации.

Цинь Гуаньхэ блеснул глазами:

— Ядерная радиация? В подземных каналах?

— Этого мы тоже не могли понять.

Бай Циюй покачал головой:

— Железная решетка сильно заржавела, стоило ее коснуться, как сыпалась рыже-коричневая пыль, пачкая одежду.

— Та дверь, должно быть, была техническим выходом или аварийным люком, она была заперта, войти внутрь мы не могли.

— Знак на двери... был очень старомодным, нарисованным масляной краской, а не современная печать на жести. Там был не только трехлистник радиации, но и более жуткий знак биологической опасности.

— Мы все перепугались, в голове сразу всплыли «чернобыльские герои», расплавившиеся пожарные... самые трусливые отскочили подальше.

— К тому же, трубы над головой выглядели довольно странно. Вместо привычных широких магистралей, идущих параллельно, там тянулись в разные стороны узкие, толщиной с пояс, трубы, которые сплетались в хаотичные узлы.

— Среди нас, шестнадцати человек, не было ни одного архитектора, так что никто не понимал смысла этой конструкции. Эти мелкие трубы, густые и запутанные, напоминали паутину, причем самую ее сердцевину.

— Но по мере продвижения, когда перед глазами постоянно мелькали одни лишь трубы, я начал кое-что подмечать: возможно, эти хаотично разбросанные переплетения, похожие на вид сверху на городскую транспортную сеть, действительно имели какое-то предназначение.

— Однако Гуань Бао — настоящий мужик. Он велел нам держаться подальше, сам долго светил маленьким фонариком и сказал, что всё в порядке.

— Мы с Ян Юйсэнем хорошо ладили, и в душе я чувствовал, что он нам врет. Он наверняка раскусил, в чем дело, но молчал, боясь, что, узнав правду, мы поднимем шум и потребуем вернуться назад.

— Гуань Бао служил в армии, говорят, был крут не на шутку. Если бы не старая травма, дослужился бы как минимум до офицера. Высокий, плечистый, смуглый, крепкий — хотя

внешне он был хорош собой, от него веяло какой-то неприступностью. Я при одном взгляде на него робел и не решался расспрашивать.

— Мы быстрым шагом миновали ту радиационную дверь, и тут произошло нечто еще более необъяснимое: мы встретили человека. Точнее, нечто вроде полудикого отшельника.

— Сначала мы подумали, что он, как и мы, пришел сюда ради приключений. Одиночек мы встречали и раньше, хотя чаще их находили уже в виде трупов лесные патрульные.

— Но присмотревшись, я почувствовал неладное: почему этот человек даже не включил фонарик?

— Ай Чуньшэн предположил, что это бродяга. Встретить бездомного во время городского исследования — дело обычное, вот если бы не встретили — это было бы странно.

— Общество пожирает людей, а человек — всего лишь животное, и никто не вправе указывать ему, где жить.

— Но что было трудно понять, так это само место. Раньше мы ходили по недостроям, заброшенным заводам или диким горам в туристических зонах. Там хотя бы ловила связь, можно было связаться с внешним миром... А встретить бродягу, да еще и без снаряжения, в этой крошечной тьме и безмолвии подземных коммуникаций — это было за гранью понимания.

— Гуань Бао направил на него фонарик. Фигура сидела, прислонившись к стене, или, вернее, полулежала, обмякнув. Все решили, что это либо чей-то труп, либо человек, умерший от голода.

— Честное слово, любой, кто на него взглянул бы, решил бы, что это мертвец... У него... у него не было ни единого шанса остаться в живых.

— Рои мух и мелких насекомых кружили над ним с гулким жужжанием, казалось, что он сам состоит из этих мух. Отвратительное зрелище. И всё же он был жив... Его грудь едва заметно вздымалась.

— Присмотревшись внимательнее, мы испытали еще большее отвращение: то, что мы приняли за густой слой мух, оказалось его невероятно отросшими волосами, бородой и шерстью на лице. Грязные, спутанные, они полностью скрывали черты лица.

— Теперь, когда я вспоминаю об этом... кажется, никто из нас так и не видел его лица по-настоящему. Да было ли оно у него вообще?

— В тот момент всех охватил необъяснимый ужас. Гуань Бао, его друг детства — еще один здоровяк, которого мы звали Вэй-гэ, — и я отправились проверить, что происходит.

— Как только мы приблизились, этот человек внезапно подскочил, и темная тень резко бросилась на нас, напугав всех до смерти.

— Люди, занимающиеся городским исследованием, обычно носят с собой оружие. Гуань Бао среагировал мгновенно, выхватил складную дубинку. Тот человек, не ожидая атаки, принял пару ударов, а потом завязалась настоящая схватка.

— Не сказать, что он выглядел живым, но двигался очень ловко. Он бил на поражение, а Гуань Бао осторожничал, поэтому поначалу не справлялся. Только когда Вэй-гэ и Ян Юйсэнь навалились на него всей толпой, удалось его скрутить.

— Ян Юйсэнь предположил, что это беглый преступник, причем совершивший что-то серьезное, иначе зачем прятаться здесь?

— Но мы боялись, что если он не преступник, то, ранив его, мы наживем проблем. Девчонки быстро достали веревки от палаток и связали его, только после этого мы осмелились заговорить.

— Но... этот человек был таким странным, — Бай Циюй невольно покачал головой, — таким странным.

Погружаясь в детали, он не мог не проживать эти похороненные в памяти события заново, проходя подземный лабиринт от начала до конца.

Временами ему казалось, что он снова вернулся в те четыре дня и четыре ночи — темные, влажные, душные, в которых невозможно было дышать.

Над головой тянулись старые, запутанные трубы, уходящие в бесконечность, и внутри них отдавался протяжный, потусторонний гул.

Это был единственный звук в том четырехдневном безмолвном путешествии, и теперь он вновь звучал в его ушах, превращаясь в слуховые галлюцинации:

У-у... у-у...

Словно что-то в глубине земли, за сотни миль отсюда, снова звало его вернуться.

— Таким странным, — бормотал он, словно в его лексиконе не осталось других слов, да и только это могло описать шок и ужас, которые не отпускали его даже спустя год. — Таким странным...

Цинь Гуаньхэ не выдержал и спросил:

— В чем именно заключалась странность?

Услышав это, Бай Циюй вздрогнул, словно потревоженный призрак. Его тело резко дернулось, он неестественно выгнулся назад, будто из него вот-вот должно было что-то вырваться наружу.

В этой позе Цинь Гуаньхэ и бабушка Ло ясно увидели, что его шею спереди тоже покрывают чешуйки, слабо поблескивающие в свете.

А на его бледном лице застыло чуждое, пугающее выражение с оскалом:

— Потому что... у него не было, не могло быть ни единого шанса выжить. Ни единого...

Цинь Гуаньхэ и бабушка Ло переглянулись. Последняя слегка кивнула, и они, найдя предлог, вышли из комнаты.

<http://bllate.org/book/18696/1806998>